

В. З. ПАНФИЛОВ

ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И ТИПОЛОГИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ¹

Одной из основных задач типологических исследований языков является выявление таких языковых универсалий, различные способы реализации которых в конкретных языках могут послужить основанием для типологической классификации языков.

Существование универсалий в языке обусловлено различными факторами и в том числе общностью таких функций языка, как экспрессивная и коммуникативная. Первая из них есть использование языка как средства осуществления абстрактного, обобщенного мышления²; вторая есть использование языка как средства передачи информации от одного индивида к другому по различным каналам связи. Экспрессивная функция языка осуществляется как в актах коммуникации, так и в процессе внутренней речи. Иначе говоря, экспрессивная функция языка может осуществляться и раздельно от коммуникативной функции.

В то же время коммуникативная функция языка может быть осуществлена только вместе с осуществлением его экспрессивной функции, поскольку любой акт коммуникации может считаться состоявшимся только в том случае, если мысль, выраженная языковыми средствами одним индивидом в целях ее сообщения другому индивиду, воспринимается этим последним.

В генезисе, т. е. на начальных этапах развития языка и абстрактного, обобщенного мышления, коммуникативная и экспрессивная функции,

¹ Основные положения настоящей статьи были доложены на Международном симпозиуме по типологии, состоявшемся в Праге 14—17 августа 1973 г.

² Под экспрессивной функцией нередко понимают использование языка для выражения эмоций. Однако при этом не учитывается, что в самих языковых средствах фиксируются скорее не сами эмоции, а мыслительное содержание о них — именно оно в соответствующих случаях входит как в лексические значения, так и в значения грамматических морфем — словообразовательных (таковы, например, в русском языке многочисленные словообразовательные суффиксы, выражающие эмоциональную оценку) или словоизменительных (таковы, например, в нивхском языке суффиксы, образующие формы выражения эмоций у глаголов и существительных). Непосредственно же выражение эмоций осуществляется в речи в основном с помощью различного рода интонаций (гнева, радости, восхищения и т. п.), а также порядка слов (эмфазы). Как средство выражения эмоций обычно рассматриваются также междометия. Однако известно, что одно и то же по своему фонемному составу междометие в зависимости от того, с какой интонацией оно произносится, может выражать самые разнообразные и нередко даже противоположные по своему характеру чувства. Это говорит о том, что средством непосредственного выражения эмоций в такого рода случаях также оказывается интонация. Видимо, лишь когда междометия возникают в речи как непосредственная реакция в связи с тем или иным психофизиологическим состоянием организма, их можно рассматривать как средство выражения эмоций, не опосредованных мыслительной деятельностью. Таким образом, эмоции находят свое выражение в языке, в его лексике и грамматике, лишь опосредствуясь мышлением, а сфера их непосредственного выражения оказывается весьма узкой, ограничиваясь эмфазой, интонацией и междометиями в случаях употребления их в речи, рассмотренных выше. Поэтому едва ли целесообразно, выделяя коммуникативную и экспрессивную функции как две основные функции языка, иметь в виду под последней использование языка для непосредственного выражения эмоций.

по-видимому, были нераздельны, так как интериоризация [языковых средств в процессе осуществления абстрактного, обобщенного мышления вне актов общения, вероятно, есть позднейшее явление. Таким образом, на этих этапах развития языка и мышления акты осуществления абстрактного, обобщенного мышления, не имеющие целью передачу соответствующей информации, и те же акты, имеющие эту цель, могли, по крайней мере в основном, совпадать по тем языковым средствам, которые в них использовались. Различия в языковых средствах между внутренней и внешне выраженной речью, наблюдаемые на современном этапе развития языка и мышления, по-видимому, являются результатом длительного исторического развития.

Потребностью осуществления актов коммуникации, функционированием языка как средства общения обусловлено немало сущностных характеристик языка, таких, как явления избыточности, которые, по-видимому, в значительной мере снимаются во внутренней речи, универсалии в области фонетического строя и др.

В то же время многие фундаментальные черты языка обязаны своим существованием его функции быть средством осуществления абстрактного, обобщенного мышления.

Мышление всего современного человечества по своим законам, а также формам и категориям (последние, т. е. формы и категории, однако, могут иметь различную степень развития) является однотипным.

Л. Леви-Брюль в свое время выдвинул концепцию об особых законах мышления так называемых первобытных людей, мышление которых, по его мнению, не соблюдает формально-логических законов, т. е. законов тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания, а подчиняется закону партиципации (сопричастности). Решая вопрос о характере законов мышления первобытных³ людей, следует иметь в виду, что хотя формально-логические законы мышления обусловлены свойствами самого бытия, необходимо различать два критерия их нарушения: нарушение законов мышления в рамках системы понятий данного индивида, т. е. самого субъекта мышления (субъективный критерий) и их нарушение тем же индивидом с точки зрения системы понятий другого индивида, более адекватно отражающего эту действительность (объективный критерий). Очевидно, что если в системе понятий того или иного индивида какие-либо свойства объективной действительности отражены неадекватно, то вопрос о нарушении законов мышления данным индивидом может быть решен различно в зависимости от используемого критерия. В этой связи и выявляется несостоятельность концепции Л. Леви-Брюля, поскольку о нарушении формально-логических законов мышления первобытным человеком можно говорить, имея в виду не сложившуюся у него систему понятий, а лишь систему понятий современного человека, более адекватно отразившую объективную действительность. Иначе говоря, субъективно процесс мышления самого первобытного человека может происходить в полном соответствии с формально-логическими законами мышления, а, если исходить из системы понятий современного человека, эти законы мышления будут им нарушаться. Именно такого рода случаи и дали основание Л. Леви-Брюлю говорить о том, что мышле-

³ Вслед за Л. Леви-Брюлем и другими учеными под первобытными людьми мы имеем в виду не предков современных людей типа неандертальцев и т. п., а представителей нецивилизованных обществ, стоящих на низкой ступени общественного развития, которые имеют столь же длительную историю своего развития, как и современные им цивилизованные народы.

ние первобытного человека якобы не подчиняется формально-логическим законам⁴.

Вместе с тем нельзя принять и концепцию К. Леви-Стросса, который по существу снимает вопрос о каких-либо качественных различиях мышления «первобытных» людей и мышления современного человека, а тем самым и вопрос о качественном развитии человеческого мышления в его филогенезе⁵. Так, если, по-видимому, можно говорить об общности форм и категорий для мышления всех современных людей, т. е. как цивилизованных, так и «первобытных» людей, то степень развития этих форм и категорий мышления оказывается у них различной. Если обратиться, например, к категории количества, которую Гегель определял как снятое качество⁶, то языковые данные позволяют наметить ряд этапов в ее развитии, наблюдаемых у «первобытных» и цивилизованных народов и представляющих собой как бы различные степени или ступени снятия качества⁷.

Есть основания говорить также, что такая форма мышления, как суждение, свойственная мышлению всех современных народов, по степени своего развития, по существующим ее разновидностям не может рассматриваться как одинаковая у всех них. Так, развитие форм сложного предложения, отмечаемое многими исследователями для ряда языков, несомненно свидетельствует об обогащении форм выражаемого посредством этих предложений суждения, а также умозаключения. Средствами некоторых языков невозможно далее выразить, например, различие между отрицательными и бесконечными суждениями типа *Это не есть человек* и *Это есть не человек*. Так, в нивхском языке оба эти суждения будут выражаться одним и тем же предложением *Кыд' н'иха хадох q'ауд'*. То же самое явление наблюдается в кабардинском и адыгейском языках.

Языковые данные дают основание говорить о существенном историческом изменении содержания и объема языковой категории модальности, из чего следует, что и модальная характеристика суждения как формы мышления за соответствующий период также испытала существенные изменения.

В некоторых языках глагольное сказуемое исторически включало вначале слово со значением *вещь, нечто, что-то* или *некто, кто-то*, затем местоименный показатель, и лишь в дальнейшем обозначение действия как признака не осложнялось такого рода субстантивными показателями, т. е. выступало как атрибут. Это дает основание предполагать, что форма выражаемого здесь суждения развивалась от чисто объемного соотношения логических субъекта и предиката — включения логического *S* как класса в более широкий класс, обозначаемый логическим *P*, — к атрибутивному соотношению логических *S* и *P*, когда логический *P* приписывается логическому *S* как его признак⁸. Такой путь развития глагольного сказуемого прослеживается Н. А. Баскаковым в тюркских языках⁹.

⁴ О формально-логических законах мышления первобытных людей и критериях их нарушения см. также: В. З. П а н ф и л о в, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, стр. 84—112.

⁵ См. также: Р. А. Б у д а г о в, Ф. Энгельс и некоторые проблемы языкознания, сб. «Энгельс и языкознание», М., 1972, стр. 17—18.

⁶ Г е г е л ь, Энциклопедия философских наук, ч. 1, Логика, М.—Л., 1929, стр. 170.

⁷ См. подробнее: В. З. П а н ф и л о в, Категории мышления и языка. Становление и развитие категории количества в языке, сб. «Энгельс и языкознание».

⁸ Возникает вопрос, нет ли какой-либо зависимости между развитием такой формы мышления, как суждение, и развитием концепции суждения в истории логики (объемное и атрибутивное понимание суждения в античной логике, его трактовка в логике отношений и т. д.).

⁹ См.: Н. А. Б а с к а к о в, К вопросу о структуре сказуемого в тюркских языках, «Советская тюркология», 1972, 2, стр. 76.

Аналогичным образом в нивхском языке до настоящего времени наиболее употребительна в функции сказуемого глагольная форма на *-d'*. Эта форма обладает рядом именных черт: суффиксом *-d'* оформляются указательные местоимения, глаголы в этой форме легко субстантивируются, и только в этой форме они получают суффикс мн. числа *-ку ~ -уу ~ -гу ~ -ху*, который это же значение выражает у имен существительных, а также местоимений. Есть основание предполагать также, что сам суффикс *-d'* имеет именное происхождение.

Однако те изменения в степени развития некоторых форм и категорий мышления, о которых можно судить на основании этнографических и лингвистических данных, имея в виду «первобытные» и цивилизованные народы, или историческое развитие мышления носителей какого-либо языка, восстанавливаемое лингвистами по тем данным, которые дает его история, и охватывающее в лучшем случае период в несколько тысячелетий, не нарушают единства типа мышления, а проявления такого рода изменений в языке, очевидно, не могут привести к переходу от одного типологического состояния языка к другому.

К числу универсалий, обусловленных функцией языка как средства осуществления и существования абстрактного, обобщенного мышления, могут быть отнесены наличие слова и предложения как языковых единиц, присущих всем языкам мира. Их наличие во всех языках мира связано с тем, что понятие и суждение являются формами мышления, свойственными всему человечеству.

Для типологической характеристики языков и их типологической классификации в некоторых теориях использовались различия в структуре слова, в других же теориях в этих же целях использовались различия в структуре предложения. Выявление соотношения различных типологических признаков, их значимости для характеристики структуры языка в целом также является одним из условий осуществления типологической классификации языков.

Возникает вопрос, какое соотношение существует между структурой слова и структурой предложения как двумя различными типологическими признаками языков. В целях типологической характеристики языков представляется достаточным использовать два признака структуры слова¹⁰: технику, способ объединения в составе слова его конституирующих морфем и степень синтетизма, т. е. то, в какой мере различные грамматические значения выражаются в составе самого слова или вне него. Выделяя далее агглютинацию и флексию с ее двумя разновидностями, т. е. фузионной и внутренней, как два основных способа соединения морфем в составе слова, а аналитизм, синтетизм и полисинтетизм как три степени синтетизма, можно характеризовать языки в зависимости от того, какой признак из каждой этой группы является для них ведущим. В зависимости от этого тот или иной язык будет определяться как аналитическо-агглютинативный, или аналитическо-флективный, или синтетическо-агглютинативный, или синтетическо-флективный, или полисинтетическо-агглютинативный, или, наконец, как полисинтетическо-флективный.

В особый языковый тип нередко выделяются инкорпорирующие языки, к которым относят некоторые палеоазиатские (чукотский, корякский, алюторский и керекский) и индейские языки. Инкорпорирование есть общее (суффиксальное или префиксально-суффиксальное) оформление синтаксической группы (определения и определяемого, дополнения и сказуемого, обстоятельства и сказуемого), в пределах которой зависимый член

¹⁰ См. об этом: В. З. П а н ф и л о в, О задачах типологических исследований и критериях типологической классификации языков, ВЯ, 1969, 4.

(или члены) выступает в форме основы, сохраняя свое лексическое и общеграмматическое значение, а также возможность синтаксических связей со словами вне этой синтаксической группы¹¹. Зависимые компоненты образуемого таким образом инкорпорированного комплекса могут участвовать и самостоятельное морфологическое оформление, т. е. выступать вне этого комплекса, оставаясь зависимыми членами синтаксической группы.

Инкорпорирование есть лишь один из видов группового аффиксального оформления синтаксической группы. В языках синтетическо-агглютинативного типа встречаются и такие случаи, когда в синтаксической группе, состоящей из однородных членов, падежный суффикс присоединяется только к последнему из них (тюркские языки, нивхский язык и др.). В некоторых «инкорпорировующих языках» наряду с инкорпорированием возможно и такое групповое оформление, когда зависимый член выражается словоформой, а не основой слова. Так, например, в чукотском языке суффиксальное или префиксально-суффиксальное оформление имеют составные числительные, хотя их компоненты выступают не в форме основы, а в форме слова¹².

Разного вида групповое оформление возникает исторически¹³ и существует прежде всего благодаря тому, что аффиксы в этих языках объединяются с корневыми морфемами по способу агглютинации и сохраняют большую самостоятельность, чем во флективных языках. Иначе говоря, инкорпорирование, шире — общее оформление синтаксической группы — обусловлено в этих языках агглютинацией и все эти языки по характеру структуры слова являются языками синтетическо- или полисинтетическо-агглютинативного типа. Существование в «инкорпорировующих языках» инкорпорирования как особого способа выражения синтаксических отношений между зависимым и ведущим членом синтаксической группы и параллельных построений тех же синтаксических групп, но уже с самостоятельным морфологическим оформлением их зависимых членов создает некоторые специфические черты этих языков лишь на уровне структуры предложения в том, что касается способов выражения его синтаксического и логико-грамматического членения¹⁴ и дифференцированного выражения различных отношений его компонентов. Такого рода специфические черты дают основание рассматривать «инкорпорировующие языки» как особую группу лишь внутри синтетическо- или полисинтетическо-агглютинативных языков.

И. И. Мещаниновым была разработана типологическая классификация языков, основанная на различии в структуре предложения. Он полагал, что общим для всех языков является выражение в составе предложения отношений субъекта и действия, отношений действия к объекту действия, т. е. объектных отношений и атрибутивных отношений, т. е. отношений признака к предмету и действию. Эти отношения, так же как

¹¹ См.: В. З. П а н ф и л о в, Об определен понятию слова, сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963, стр. 141—145.

¹² См.: П. Я. С к о р и к. Грамматика чукотского языка, I, М.—Л., 1961, стр. 393—395.

¹³ Так, например, П. Я. Скорик, рассматривая вопрос об историческом развитии грамматического строя чукотского языка, приходит к следующему выводу: «... в процессе образования аффиксальных форм в чукотском языке, обусловленный определенным порядком слов в его раннем предложении, привел к возникновению эргативной конструкции и инкорпоративных комплексов одновременно» (П. Я. С к о р и к, О постепенном разветвлении и совершенствовании грамматического строя, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», IV, 1954, стр. 252).

¹⁴ См.: В. З. П а н ф и л о в, Взаимоотношение языка и мышления, стр. 126—127.

и соответствующие члены предложения, свойственны структуре предложения всех языков и образуют, как считал И. И. Мещанинов, общезыковой субстрат. Различия же в структуре предложения различных языков обнаруживаются в связи с различием в способах выражения этих общих отношений и способах оформления членов предложения. На этом основании И. И. Мещаниновым были выделены языки с аморфной, с синтаксико-морфологической, флективно-аналитической, аналитической и морфологической конструкциями предложения¹⁵.

При этом прослеживается прямая зависимость между структурой слова и этими типами структур предложения. Так, аморфная конструкция предложения, в которой значение члена предложения в основном определяется по его функции в составе предложения и иногда по относящимся к нему служебным словам, выделяется в языках аналитическо-агглютинирующего (или, по старой терминологии, — аморфного) типа, например, в китайском или бирманском. Синтаксико-морфологическая конструкция, в которой члены предложения получают специальные морфемы, присоединяемые к нему по способу агглютинации, оказывается свойственной языкам синтетическо-агглютинативного типа, например, монгольскому и т. п.

Выражение в составе предложения отношений актантов к действию фиксирует структуру мысли (суждения), рассматриваемую в одном из направлений современной математической логики как пропозициональная, или логическая функция.

При такой трактовке суждения и его структуры глагольное сказуемое будет выражать n -местный предикат, а аргументы этой функции будут выражаться подлежащим и дополнениями, обозначающими субъект и объект действия. Фиксируемая здесь структура суждения передается формулой $A(x)$ или $A(x, y, \dots)$, поскольку пропозициональная функция может иметь один или более аргументов, т. е. предикат в ее составе может быть или одноместным или многоместным. Ср. предложения: *Иван идет* и *Иван любит Петра*. В первом из них предикат (*идет*) является одноместным и имеет при себе только один аргумент (*Иван*), а во втором предикат (*любит*) является двухместным и имеет при себе два аргумента (*Иван, Петра*).

Отношения актантов к действию, которые представляют собой один из видов пропозициональной функции, а также способы их языкового выражения давно исследуются языкознанием в составе предложения как залоговые или им подобные отношения, а также как отношения, выражаемые в таких конструкциях предложения, как номинативная и эргативная.

Но общим, универсальным для предложений во всех языках является выражение в их составе не только отношений актантов к действию, но и субъектно-предикатного отношения, т. е. отношения логического субъекта и предиката, выделяемых в традиционной логике. Структура суждения как пропозициональной, или логической функции и его субъектно-предикатная структура имеют между собой существенные различия и не совпадают друг с другом. Если не считать ее самостоятельным членом связки, очень часто не получающую в предложении самостоятельного словесного выражения, то вторая из названных структур имеет только два члена — субъект и предикат, что выражается формулой S есть P . В отличие от этого первая из указанных структур в зависимости от того, является ли предикат одноместным или многоместным, может состоять из двух

¹⁵ См.: И. И. Мещанинов, Структура предложения, М.—Л., 1963.

или более членов. Так, например, субъектно-предикатную структуру суждения *Иван любит Петра*, если в выражающем его предложении ни один из его членов не получает логического ударения, образуют два члена — субъект, выраженный подлежащим *Иван*, и предикат, выраженный группой сказуемого *любит Петра*. Структура того же суждения, рассматриваемого как пропозициональная функция, будет состоять уже из трех членов — двухместного предиката, выраженного глагольным сказуемым *любит* и двух аргументов, выраженных соответственно подлежащим *Иван* и дополнением *Петра* [формула $A(x, y)$]. Второе различие между этими двумя структурами заключается в том, что в суждении, денотатом которого является одна и та же ситуация, аргументы и n -местный предикат будут всегда выражаться одними и теми же понятиями (*любит* в суждении *Иван любит Петра* всегда будет выражать двухместный предикат, а *Иван* и *Петра* всегда будут выражать аргументы), в то время как субъектно-предикатное членение этой мысли может изменяться. Так, например, в суждении *Иван любит Петра* при логическом ударении на дополнении *Петра* оно будет выражать логический предикат, а логический субъект будет выражаться уже синтаксической группой *Иван любит*.

В составе предложения субъектно-предикатные отношения, как и отношения актантов к действию, также маркируются определенными языковыми средствами, что может рассматриваться как лингвистическое подтверждение факта наличия двух указанных структур суждения.

Существует точка зрения, согласно которой субъект и предикат суждения всегда выражаются соответственно понятиями о предмете (субстанции) и его признаках (акциденции), а в предложении — языковыми категориями подлежащего и сказуемого. Эта точка зрения основана на представлении о том, что познание представляет собой пассивный процесс отражения объективной действительности, т. е. в ее основе лежит метафизическое понимание этого процесса, свойственное всему домарксовскому материализму. Но, как показал еще Гегель, а затем с позиций диалектического материализма К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, познание есть активная деятельность познающего субъекта, а не зеркальное, мертвое отражение объективной действительности. В. И. Ленин, имея в виду это обстоятельство, писал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»¹⁶.

В процессе познания направленность познавательного процесса, ход мысли при отражении одних и тех же явлений объективной действительности не являются постоянными. Исходными для того или иного мыслительного акта могут быть не только предметы (субстанция), но и признаки (акциденция), в результате чего в качестве субъекта суждения могут выступать не только понятия о предметах, но и понятия о признаках, и наоборот, в качестве его предиката не только понятия о признаках, но и о предметах. Соответственно в предложении логический субъект может выражаться не только подлежащим — именем существительным в именительном, абсолютном или эргативном падежах, но и другими членами предложения — сказуемым, определением, обстоятельством или дополнением. Подобным же образом и логический предикат может выражаться не только сказуемым, но и другими членами предложения. Потребность использовать в познавательном процессе понятие о признаке в качестве субъекта суждения, когда признак, следовательно, выступает как предмет мысли, и понятие предмета — в качестве предиката суждения, приводит к тому, что в языке названия признаков могут выступать в той же форме как и названия реальных, конкретных предметов, т. е. как существи-

¹⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 29, стр. 194.

тельные и, наоборот, названия предметов — как названия признаков. Этим объясняются, с одной стороны, образование в самых различных языках посредством самых разнообразных словообразовательных средств (аффиксов, внутренней флексии, конверсии и субстантивации) таких рядов существительных, как абстрактные типа русских *краснота* и т. п., а с другой стороны, такого рода случаи, когда, например, в ряде языков любое имя в функции сказуемого становится глаголом, получая особый словообразовательный аффикс и словоизменительные формы глагола. Так, например, в эскимосском языке имеем: *юк* «человек», *юг-у-к* «это есть человек»; *малг'ук* «два», *малг'уг-у-к* «это есть два» и т. п.¹⁷

В самодийских языках имя, выступающее в функции сказуемого, спрягается как глагол и ему свойственны в этой функции категории лица и времени, которые выражаются теми же формами, что и у глагола. Однако в отличие от эскимосского языка в самодийских языках имя в функции сказуемого не получает особого словообразовательного суффикса; наоборот, в этих языках глагол, в отличие от имени, включает специальную морфему, которая происходит от глагола «быть»¹⁸.

То направление грамматических исследований (так называемый семантический синтаксис), представители которого пытаются прямолинейно свести структуру предложения к структуре ситуации, по поводу которой оно высказывается, в конечном счете также базируется на понимании познавательного процесса как зеркального, мертвого отражения, а в его крайних формах — по существу на бихевиористском понимании языка и речевой деятельности по схеме «стимул — реакция», не оставляющей места для мысли и языкового значения как чего-то самостоятельного по отношению к действительности и материальным языковым формам.

Если брать наиболее часто повторяющуюся ситуацию, составляющими которой являются субъект действия, объект действия и само действие, то активность познавательного процесса, направленного на ситуацию этого типа, в частности, проявляется в том, что об одной и той же ситуации могут быть высказаны различные предложения при одном и том же его лексическом составе, отражающем составляющие компоненты этой ситуации. В частности, эти предложения могут отличаться по своей залоговой характеристике (ср., например: *Дом построен рабочими* и *Рабочие построили дом*). Сущность грамматической категории залога состоит не только в том, что она фиксирует различные отношения актантов к действию, но она состоит также в различии хода познания и языковых способов выражения этих отношений. Именно поэтому, как нам уже приходилось отмечать¹⁹, не могут считаться адекватными те определения залога, согласно которым залог «обозначает отношения между субъектом действия (производителем действия) и объектом, находящие свое выражение в форме глагола»²⁰. Природе этой грамматической категории, как нам представляется, в большей мере соответствует следующее определение: категория залога глагола характеризует то или иное

¹⁷ См.: Г. А. Меновщиков, Грамматика языка азиатских эскимосов, II, Л., 1967, стр. 23—27.

¹⁸ См.: Н. М. Терещенко, Грамматические категории глагола в самодийских языках, «Тезисы докладов „Типология грамматических категорий“», М., 1973.

¹⁹ См.: В. З. Панфилов, О залоге глагола в нивхском языке, сб. «Вопросы грамматики», М.—Л., 1960, стр. 103—121; его же, Грамматика и логика, М.—Л., 1963, стр. 64—68.

²⁰ См.: «Грамматика русского языка», I, М., 1952, стр. 412. Это определение залога буквально или с небольшими изменениями, не затрагивающими его существа, повторяется в большинстве грамматических исследований по самым различным языкам. Сохраняется оно и в последней «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 года (см. стр. 351).

соотношение подлежащего (грамматического субъекта) и дополнения (грамматического объекта) с субъектом и объектом действия, определяемое глаголом и приуроченное к его определенной форме²¹.

Существование эргативной и номинативной конструкций предложения, которые отличаются друг от друга падежами подлежащего и прямого дополнения, выражающими субъект и объект действия, а также характером их выражения в форме глагольного сказуемого, также связано с различием в языковых способах отражения одной и той же ситуации.

Поскольку как отношения актантов к действию, так и субъектно-предикатные отношения, образующие два уровня выражаемой в предложении мысли, получают определенное формальное выражение в структуре предложения, можно выделить два уровня его структуры, два вида его членения — синтаксическое и логико-грамматическое (иначе, актуальное, коммуникативное)²². В различных языках логико-грамматическое членение выражается различными способами. Поэтому возникают вопросы о том, может ли различие в способах выражения этого членения использоваться как один из типологических признаков, в каком отношении этот признак находится к структуре слова и как соотносится логико-грамматическое членение предложения с его синтаксическим членением в различных языках.

Анализ языковых средств, используемых для маркирования субъектно-предикатной структуры мысли, выражаемой в устной речи в предложении, употребленном в акте коммуникации²³, а также для маркирования предикативности и модальности, характеризующих эту мысль, пока-

²¹ См.: В. З. П а н ф и л о в, О залоге глагола в нивхском языке. В последние годы этот же принцип соотношения двух рядов явлений — синтаксических членов предложений и семантических категорий субъекта и объекта действия — кладется в основу определения залога и рядом других авторов. См., например: И. А. М е л ь ч у к, А. А. Х о л о д о в и ч, К теории грамматического залога (Определение. Исчисление), «Народы Азии и Африки», 1970, 4, стр. 113 и сл.; А. А. Х о л о д о в и ч, Залог, в кн.: «Категория залога», Л., 1970, стр. 13; В. С. Х р а к о в с к и й, Активные и пассивные конструкции в языках эргативного строя, ВЯ, 1972, 5, стр. 40, особенно примеч. 21. Последний автор, однако, расширяет понятие залога и включает в эту категорию не только случаи, когда различия в соотношении этих двух рядов явлений сопровождаются различием глагольных форм, но и все иные способы их маркировки в составе предложения (указ. соч., стр. 41). Нами последние случаи в категорию залога не включались (см.: В. З. П а н ф и л о в, Грамматика и логика, стр. 68). Представляется более оправданным вслед за И. И. Мещаниновым сохранить термин «залог» за случаями лишь морфологической маркировки соответствующих значений в глагольной форме, включая их наряду со случаями выражения этого типа значений иными способами в более широкую понятийную категорию залоговости (ср. термины «время» и «темпоральность», «вид» и «аспектуальность» у А. В. Бондарко).

²² Последний термин кажется самым неудачным, так как логико-грамматическое членение предложения имеет место не только в процессе коммуникации, но и во внутренней речи.

Некоторые авторы непосредственно увязывают синтаксическое и логико-грамматическое (актуальное) членение предложения с двумя основными языковыми функциями, а именно, соответственно с экспрессивной и коммуникативной (см., например: И. П. Р а с п о п о в, Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательных предложений в русском языке. АДД, М., 1964, стр. 9; В. Г. А д м о н и, Типология предложения и логико-грамматические типы предложения, ВЯ, 1973, 2, стр. 48), с чем едва ли можно согласиться. В самом деле, как синтаксическое, так и логико-грамматическое членение предложения обусловлены структурой выражаемой в предложении мысли, т. е. экспрессивной функцией, и есть основание ставить вопрос лишь о том, что языковые средства выражения этой структуры в акте коммуникации и в процессе внутренней речи могут быть различными.

²³ Предложение, функционирующее во внутренней речи, структура выражаемой в нем мысли и языковые средства маркирования этой структуры на ее обоих уровнях требуют специального рассмотрения.

зывает, что их характер находится в определенной зависимости от характера структуры слова в том или ином языке.

Так, в языках синтетическо-агглютинативного, например, в нивхском и тюркских языках, или полисинтетическо-агглютинативного типа, например, в абхазском языке, в этих целях широко используются морфологические средства и в том числе специальные морфемы, выступающие как компоненты слова и присоединяемые к нему по способу агглютинации. Характерной особенностью многих из этих языков является то, что используемые в целях выделения логического предиката морфемы и служебные слова имеют как бы универсальный характер — они выступают в этой функции при любом члене предложения и независимо от того, какую морфологическую форму он имеет. Иначе говоря, способам языкового выражения субъектно-предикатной структуры суждения в языках этого типа свойственны те же типологические черты, которые находят свое проявление в сфере структуры слова в целом.

Набор формальных языковых средств, используемых в языках аналитическо-агглютинативного типа в целях выделения логического предиката, по своему характеру оказывается близок к тому, что используется в этих целях в языках полисинтетическо- или синтетическо-агглютинативных. Однако отличие состоит здесь в том, что в языках второго типа, т. е. полисинтетическо- или синтетическо-агглютинативных, больший удельный вес занимают специальные морфемы, выступающие как компоненты слова, в то время как в языках первого типа, т. е. аналитическо-агглютинативных, их удельный вес среди прочих средств оказывается меньшим и более значительную роль в них играют служебные слова. Второе существенное отличие между языками этих двух типов состоит в том, что функциональная нагрузка — выражение логического предиката или субъекта, падающая на то или иное слово, в языках второго типа не приводит к изменению грамматической природы этого слова даже в тех случаях, когда оно оформляется специальными морфемами. В языках первого типа, т. е. аналитическо-агглютинативных, в этих случаях возможно изменение грамматической природы самого слова, что, например, имеет место в китайском языке при присоединении к слову, выражающему действие и передающему логический субъект, суффикса *-ды*, который превращает глагол в имя.

В отличие от языков синтетическо-агглютинативных, полисинтетическо-агглютинативных и, отчасти, аналитическо-агглютинативных, в которых в выражении логической структуры суждения большую роль играют разнообразные морфологические средства (специальные морфемы, служебные слова и т. п.), в языках синтетическо-флективных в этой функции используется прежде всего логическое ударение, служебные слова типа русских *конечно, вероятно, только, лишь, же* и т. п. и, и как дополнительное средство, порядок слов. Типичным представителем такого рода языков является русский язык. Аналогичным образом обстоит дело и в аналитическо-флективных языках типа английского. Таким образом, в языках синтетическо-флективного типа и аналитическо-флективного типа существует не прямая, а обратная зависимость между структурой слова и способами выражения логико-грамматического членения предложения, так как этот вид членения предложения маркируется в отличие от грамматических значений не в составе слова, а вне слова, т. е. аналитически. Для иллюстрации сказанного приведем примеры из китайского (аналитическо-агглютинативного), нивхского (синтетическо-агглютинативного) и русского (синтетическо-флективного) языков ²⁴: 1) кит. *Та кань чжунго бао*

²⁴ Способы выражения логико-грамматического членения предложения с привлечением широкого круга языков рассматриваются также в кн.: В. З. П а н ф и л о в, Взаимоотношение языка и мышления, стр. 113—138.

«Он читает китайскую газету»; 2) кит. *Та кань-ды шы чжунго бао* «Он китайскую газету читает»; 3) нивх. *Иф ман'д'у витыу уру-д'-ра* «Он читает китайскую газету»; 4) нивх. *Иф ман'д'у витыу-ра й-уру-д'* «Он китайскую газету читает»; 5) нивх. *Иф ман'д'у витыу уру-бар* «Он, конечно, читает китайскую газету»; 6) нивх. *Иф ман'д'у витыу набар й-уру-д'* «Он читает, конечно, китайскую газету».

В предложении № 1 на китайском языке логический предикат выражается глагольным сказуемым *кань* «читает»; в китайском предложении № 2 логический предикат выражается прямым дополнением *чжунго бао* «китайскую газету»; вследствие этого к глаголу *кань* «читать», оказавшемуся в составе логического субъекта, присоединяется суффикс *-ды* с номинативным значением, а перед логическим предикатом, выраженным именной группой *чжунго бао* «китайская газета», вставляется связка *шы*. По-русски эта фраза означает: «Им читаемое есть китайская газета». В предложении № 3 на нивхском языке логический предикат выражается глагольным сказуемым *-уру-д'* «читает» и к нему присоединяется специальная предикативная морфема *-ра*; в предложении № 4 на нивхском языке логический предикат выражается группой прямого дополнения *ман'д'у витыу* «китайская газета», вследствие чего к ней присоединяется предикативная морфема *-ра*, а глагол дается в форме изъявительного наклонения на *-д'*, и к его основе префигируется местоименный показатель объекта *й-*. В пятом предложении на нивхском языке, которое в отличие от предшествующих предложений характеризуется категорической модальностью, глагол, выражающий логический предикат, оформляется суффиксом категорического наклонения *-бар*; в шестом предложении с той же модальной характеристикой логический предикат выражается группой прямого дополнения, вследствие чего после этой группы ставится вспомогательный глагол *ха-д'* «быть» в форме категорического наклонения, а глагол *й-уру-д'* дается в форме изъявительного наклонения как в предложениях № 3 и 4.

Как мы видим, во всех эквивалентных предложениях на русском языке изменения в логической нагрузке членов предложения сопровождаются лишь переносом логического ударения и, факультативно, изменением порядка слов, а в предложениях с модальностью категорической достоверности перемещается также служебное модальное слово *конечно* — оно, обычно, непосредственно примыкает к члену предложения, выражающему логический предикат.

Анализ материалов языков различной типологии показывает, что, как и в случае синтаксического членения предложения, между способами выражения логико-грамматического членения предложения и структурой слова существует корреляция такого рода, которая не позволяет рассматривать структуру слова и структуру предложения как независимые типологические признаки.

Из сказанного следует далее, что наряду с морфологизацией членов предложения, обслуживающей их функции на синтаксическом уровне, в языках имеет место также морфологизация знаменательных компонентов предложения, являющаяся средством выражения их функций на логико-грамматическом уровне. Использование морфологических средств в целях их маркирования на логико-грамматическом уровне членения предложения обычно не имеет каких-либо ограничений, связанных с принадлежностью слов, выражающих эти компоненты, к тому или иному грамматическому классу, а также с характером грамматических категорий, свойственных этим словам. Так, не говоря уже о логическом ударении, посредством которого может быть выделен логический предикат, выраженный любым знаменательным компонентом предложения, почти столь же универ-

сальный характер в этом отношении во всех языках имеют различного рода модальные служебные слова. Что касается специальных орфем, используемых в эти цели во многих языках, то сфера их функционирования также оказывается весьма широкой. Так, например, в нивхском языке показатель логико-грамматического предиката в предложениях с модальным значением простой достоверности суффикс *-та ~ -ра ~ -да* может быть присоединен к любому знаменательному слову в любой словоизменительной форме за исключением причастия в функции определения.

В отличие от этого связь между функцией знаменательных слов на синтаксическом уровне и их принадлежностью к тому или иному грамматическому классу носит более жесткий характер. Правда, следует оговориться, что такого рода соотношение имеет место в языках синтетического типа. В языках же, где синтетические черты получили незначительное развитие, как, например, бирманском, выделяются особые частицы, которые, как показатель того или иного синтаксического члена предложения, могут выступать при словах, относящихся к различным грамматическим классам.

Соотношение синтаксического и логико-грамматического членения предложения носит различный характер в языках различной типологии. В синтетических языках в силу морфологизации членов предложения имеются значительные расхождения между этими двумя видами членения предложения. В отношении аналитическо-агглютинативных языков типа китайского, где отсутствует четко выраженная морфологизация членов предложения, является дискуссионным и сам вопрос о признаках синтаксических членов предложения, и они обычно характеризуются по тем их функциям, которые они выполняют в качестве элементов структуры мысли, фиксирующей или отношения актантов к действию, или субъектно-предикатные отношения. Что касается логико-грамматического членения предложения, то оно несомненно играет в этих языках значительно большую роль в конституировании структуры всего предложения, чем в языках синтетического типа.

Применительно к языкам аналитическо-агглютинативного типа будет справедливым по крайней мере то утверждение, что степень противопоставленности синтаксического и логико-грамматического уровня членения предложения в них будет меньшей, чем в синтетических языках.

Выражение отношений актантов к действию и субъектно-предикатных отношений, образующих два различных уровня структуры суждения, есть универсалия, обусловленная функцией языка как средства осуществления абстрактного, обобщенного мышления. Модели предложения, существующие в каждом конкретном языке, не ограничиваются только теми, в которых выражаются эти два вида отношений, т. е. отношения актантов к действию и субъектно-предикатные отношения. Так, не имеют субъектно-предикатной структуры мысли, выраженные безличными однословными предложениями типа русских *Вечереет, Холодно* и т. п. или безличными предложениями с формально-грамматическим подлежащим типа немецких *Es regnet, Man sagt* или английских *It is cold* и т. п., или односоставными номинативными предложениями типа русских *Тишина*. То же самое следует сказать о двусоставных предложениях, выражающих одночленную мысль, типа русских *Пошли пароходы* и т. п.

Помимо безличных однословных предложений, вне сферы действия второй универсалии (отношения актантов к действию) остаются все модели предложения без глагольного сказуемого или сказуемого, выраженного словами со значением состояния, т. е. предложения типа русских *У него ни кола, ни двора, Иван лучше Петра, Иван брат Петра* и т. п. Однако следует отметить, что во многих моделях такого типа также выражаются отношения, но иного рода, чем отношение актантов к дей-

ствию. Иначе говоря, суждение как пропозициональная функция выражается не только в моделях предложения, в которых отражается отношение актантов к действию, но и во всех других моделях предложения, в которых отражаются иного типа отношения, чем отношение актантов к действию, т. е. во всех моделях предложения, служащих для выражения класса суждений отношения в целом (aRb)²⁵.

Говоря об известной ограниченности сферы действия двух рассматриваемых универсалий в том, что касается охвата ими различных моделей предложения в конкретных языках, вместе с тем нельзя не учитывать, что в нее входят основные и наиболее употребительные модели каждого языка. Будучи общими для всех языков, эти универсалии отличаются по способам их выражения в структуре предложения каждого языка. При выявлении номенклатуры моделей предложения каждого языка должна учитываться не только та структура, которая служит для выражения отношения актантов к действию, как это обычно делается, но и структура предложения на его логико-грамматическом уровне членения, а также соотношение этих двух видов членений (структур) предложения.

Устанавливается зависимость между способом выражения рассматриваемых универсалий и характером структуры слова в различных языках. Эта зависимость существует потому, что по крайней мере формообразованию слова обслуживает синтаксические отношения в широком смысле этого слова — морфология стоит на службе синтаксиса и в том числе «синтаксиса» логико-грамматического членения предложения.

Существует также определенная зависимость между характером структуры слова в том или ином языке и характером его грамматических категорий, например, между факультативностью и облигаторностью употребления отдельных ее форм, возможностью и невозможностью сочетания в пределах одной словоформы двух или более показателей различных частных значений одной и той же грамматической категории и др.²⁶. Существенно

²⁵ На основе различий в характере отношений действительности, получающих свое отражение в виде обобщенных грамматических значений компонентов предложения в их взаимосвязи, а также различий в форме необходимых компонентов предложения В. Г. Адмони выделяет ряд логико-грамматических типов предложений (в немецком языке). В логике принято различать логические и внелогические отношения. Под первыми имеются в виду наиболее общие отношения, которые определяют сами логические формы мышления. Так, например, отношение принадлежности признака предмету конституирует суждение как форму мышления. Внелогические отношения в отличие от этого входят в содержание мысли. В. Г. Адмони, не учитывая этого различия между логическими и внелогическими отношениями, под словом *логические* имеет в виду всякого рода отношения достаточно общего характера, которые отражаются в содержании мысли, но не конституируют ее форму, т. е. слово *логический* употребляется им как синоним слова *мыслительный* (см.: В. Г. Адмони, Структура предложения, сб. «Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении», Л., 1935; его же, Типология предложения, сб. «Исследования по общей теории грамматики», М., 1968; его же, Типология предложения и логико-грамматические типы предложения, ВЯ, 1973, 2).

Следует также отметить, что под типом предложения В. Г. Адмони понимается модель предложения, а под типологией предложения имеется в виду классификация моделей предложения того или иного конкретного языка, но не типологические различия между структурой предложений в различных языках.

Здесь, как и в более ранних работах, под логико-грамматическим членением (уровнем) предложения имеется в виду структура предложения, образуемая в результате маркирования грамматическими средствами (логическим ударением, специальными морфемами, служебными словами и т. п.) субъектно-предикатной структуры суждения, выраженного предложением. Поскольку отношение субъекта и предиката суждения выражает отношение принадлежности признака предмету, т. е. логическое отношение, употребление термина «логический» в этом случае является вполне правильным.

²⁶ См.: Н. Н. Коротков, В. З. Панфилов, О типологии грамматических категорий, ВЯ, 1965, 1.

при этом, что зависимость между структурой слова, структурой предложения и характером грамматических категорий имеет каузальный характер, а не характер логической импликации.

Типологическая классификация языков может опираться на различие в способах выражения универсалий. Структура слова является своего рода фокусом, в котором проявляются различия в способах выражения различных универсалий. Это дает основание для выбора структуры слова в качестве основного типологического признака. Вместе с тем при типологических исследованиях необходимо учитывать и другие, связанные со структурой слова признаки, такие, как различия в структуре предложения и в характере грамматических категорий, тем более, что их корреляция со структурой слова имеет достаточно сложный характер. При этом одной из областей типологических исследований может быть не только выявление различных способов выражения синтаксического членения предложения, но и его логико-грамматического членения, а также характера соотношения и, в частности, степени расхождения этих двух различных уровней членения предложения в языках разных типов. Не исключено также, что степень относительной самостоятельности языка и его отдельных уровней в том единстве, которое оно образует с мышлением, может быть различной для языков разных типов и эта проблема также может быть предметом типологических исследований.

Универсалии рассматриваемого типа являются такими глубинными свойствами языков, которые обусловлены общей всем им функцией. Именно поэтому предметом типологии являются различия в способах выражения этих универсалий и в качестве типологических признаков закономерно выступают такие признаки, как структура слова и структура предложения, которые многими лингвистами в последнее время квалифицируются как чисто внешние, не имеющие существенного значения для типологической характеристики языков.